

КЭТРИН КИНГСЛИ

Небеса
любви

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К41

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Katherine Kingsley

NO SWEETER HEAVEN

Перевод с английского Я.Е. Царьковой

Компьютерный дизайн Г.В. Смирновой

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения издательства Diversion Books
и литературных агентств Baror International, Inc.
и Nova Littera SIA.

Кингсли, Кэтрин.

К41 Небеса любви : роман / Кэтрин Кингсли ; [пер. с англ. Я.Е. Царьковой]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 384 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-094822-2

Молодой француз Паскаль Ламартин, сирота, воспитанный английским аристократом, был, без сомнения, обаятельнейшим и добрейшим человеком. Обожаемый всеми, сам он не знал любви... пока в его жизнь не ворвалась юная Элизабет Боуз, несчастная дочь богатого жестокого негодяя.

Паскаль спас Элизабет из когтей этого чудовища, женившись на ней. Но брак, на который он решился из сострадания, стал для него и спасенной девушки лишь первым шагом на пути к чуду под названием «истинная любовь»...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Julia Jay Kendall, 1993
© Перевод. Я.Е. Царькова, 2016
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017
ISBN 978-5-17-094822-2

Пролог

Говорят, все началось с безвременной кончины шестого герцога от тифа, что косил людей в Сен-Симоне с той же беспощадностью, как и последнее, то есть десятое, нашествие Египетской чумы. И суток не прошло со смерти герцога, как умер от тифа его новорожденный сын, а на следующее утро не стало и жены.

Все они обрели вечный покой под сводами замковой часовни — там, где покоился прах всех герцогов де Сен-Симон и их ближайших родственников (за исключением того герцога, что стал мучеником во время одной из гугенотских войн XVI века). Смерть — всегда трагедия, но она трагична втрое, когда уносит молодых, полных надежд людей. Всего за три недели до похорон темноволосого герцога и герцогиню, счастливую обладательницу рыжей копны непослушных кудрей, видели целующимися под раскидистым каштаном, что и сейчас растет на поляне у подножья южного склона холма, того самого, где растет самый сладкий виноград. Шестой герцог и его жена были молоды, красивы и по уши влюблены друг в друга. А теперь они, надо думать, живут на небесах — герцог, герцогиня и их малютка сын.

Тиф покинул их края, но обитали Сен-Симона по-прежнему жили в печали — и не потому только, что им пришлось похоронить многих своих близких, но и потому, что все страшились перемен. Следующим в очереди на титул был брат покойного герцога, о котором ходили недобрые слухи. Говорили, что он непомерно властолюбив и жесток и в погоне за удовольствиями не остановится ни перед чем. Слухи оказались правдивыми, и весь Сен-Симон застал под гнетом нового правителя. Виноградники чахли... Возможно, виной тому был плохой уход, но люди в деревне клялись и божились, утверждая, что виноградники сохли из-за древнего проклятия. Как бы то ни было, два года подряд виноградники не давали плодов, в двери стучалась нищета.

Седьмой герцог Сен-Симон умер через два года после своего брата, и вдова его забрала их сына с собой в Англию, откуда сама была родом. Поместье осталось без попечения, и виноградники погибали. Из уст в уста ходила легенда, — мол, заклятье падет с виноградников лишь тогда, когда наследник Сен-Симона вернется на родную землю.

Но наследник, повзрослев и возмужав, вот уже три года как вернулся на родную землю, а виноградники продолжали чахнуть, так что люди уже и не чаяли дожидаться урожая.

Глава 1

— Глупейшая затея, — пробормотала Лили, с опаской переставляя ноги. Сук, хоть и выглядел прочным, мог обломиться в любой момент. — Можно даже... назвать ее... дикой, — продолжала она бормотать. Лили слышала о себе немало нелестных отзывов и не питала напрасных иллюзий. Либо ей фатально не везло, либо она и в самом деле была безнадежно глупа. Впрочем, какова бы ни была причина ее постоянных неудач, результат всегда оказывался один и тот же. Вот и сейчас очередная ее авантюра грозила окончиться крахом... Покрепче ухватившись за ветку над головой, Лили подтянулась и зацепилась ногами за сук, находившийся чуть выше, и теперь ей предстояло закрепиться на завоеванной позиции. Увы, лазанью по деревьям сильно мешали цеплявшиеся за ветви пышные юбки. Но густая листва — прекрасная маскировка, не мешавшая разглядывать территорию монастыря со всеми постройками.

Оставалось лишь дожидаться, когда какой-нибудь монах приблизится к ее наблюдательному пункту настолько, чтобы она могла окликнуть его, точно зная, что будет услышана.

Через час спина у нее затекла, а исцарапанная нога все сильнее болела. Надежда добиться желаемого таяла на глазах. А ведь она думала, что ей в кои-то веки повезло — оказалось, что тот, кто ей нужен, жил в этом самом монастыре. По крайней мере, она знала, как его найти. Когда Лили позвонила в колокол у ворот в аббатство, она была уверена, что вот-вот добьется своего. Ей открыл пожилой монах в черных одеждах, но не прошло и двух минут, как тот же монах захлопнул дверь у нее перед носом.

— Сожалею, мадмуазель, — сказал монах, — но мы не пускаем мирян в монастырь. Возможно, вы могли бы написать настоятелю Дому Бернарду и изложить ему свою просьбу. — На этом разговор и закончился.

Понурив голову, Лили уже собиралась уйти ни с чем, но тут ее внимание привлёк могучий вяз, что

рос совсем рядом с окружавшей монастырь стеной. И решение пришло само собой. Чего не сделаешь ради любимого брата, который, если она не придет ему на помощь, совсем пропадет.

И вот она уже добрый час сидит на суку, глядя на внутренний двор монастыря Святого Кристофа.

Лили прекрасно знала: подсматривать за монахами — это очень дурно. И она знала, что ей предстояло гореть в аду, если Господу как раз сейчас вздумалось понаблюдать за своей заблудшей овечкой по имени Элизабет Мари Боуз. Но только Господь, наверное, давно уже махнул на нее рукой, так что Жан-Жаку она была нужнее, чем Господу Богу. Судя по тому, сколько монахов в черных рясах шныряло по двору монастыря, у Бога и без нее вполне достаточно верных слуг. Так что если одна или две овцы отобьются от Его стада, беды для Него в том не будет.

Лили поехала при мысли о том, что отец мог бы отдать ее в монастырь, не будь она его единственным ребенком. Раз у него не получилось сделать ее Христовой невестой, он решил поскорее сбыть ее с рук, выдав замуж. К счастью, отец не додумался выдать ее за первого встречного — надеялся, что она сама подберет себе жениха по душе, благо приданое позволяло выбирать. Но Лили замуж не хотела. Женихи один за другим получали отказ, и каждый такой отказ приводил к бурной ссоре между отцом и дочерью. А вездесущий падре Меллит, хоть и сохранял благочестивую мину, наверняка сгорал от злости. Вот уж кто не чаял поскорее прогнать Лили из дома — так это духовник ее отца, без одобрения которого герцог Монкрифф и шага сделать не смел.

И падре свернул бы ей шею, если бы увидел ее сейчас. Да они на пару с отцом удавили бы ее, если бы узнали, чем она занималась. А если и сохранили бы ей жизнь, то наверняка запретили бы видеться с братом, посчитав, что это он ее надушил залезть на дерево. Да, она очень рисковала, но дело того стоило.

— О Жан-Жак, — прошептала Лили, — я люблю тебя больше всего на свете. Клянусь, я как-нибудь найду способ все уладить, и папа никогда не узнает о твоих бедах, поверь мне. Я обязательно найду этого монаха, уж как-нибудь, да найду, и он придумает, что сделать для твоих виноградников.

Между тем монахи черными ручейками потекли через церковный двор к храму — на полуденную молитву.

6 «Скорей бы уж закончилась служба», — думала Лили,

теряя терпение. Впрочем, у нее не было никакого определенного плана, и она понятия не имела, как найдет нужного ей монаха. И чем дольше она сидела на дереве, тем безнадежнее казалась ей вся эта затея. Но если этот монах и впрямь умен творить чудеса... Что ж, тогда она, возможно, опознает его по светящемуся нимбу.

Лили вспомнила, как деревенский священник отец Шабо, стоя у ворот замка, с грустью взирал на бесплодные виноградники, принадлежавшие ее сводному брату.

— Только чудо может их спасти, леди Элизабет, — сказал он тогда. — Но, увы, чудо... Хотя постойте-ка... — Священник в задумчивости почесал лысеющую голову; казалось, он силился что-то припомнить. Потом вдруг радостно улыбнулся и заявил: — Ну вот, вспомнил! Один мой друг, священник, как и я, написал мне письмо несколько месяцев назад. Он, знаете ли, живет к северу отсюда...

— А при чем тут это... — перебила Лили. — Не понимаю, какое отношение имеет ваш приятель, что живет к северу отсюда, к чахнувшим виноградникам моего брата.

— Сейчас поймете. Так вот, в монастыре Монтебон живет один человек, который уже, наверно, стал живой легендой в долине Луары. Он обладает способностью творить чудеса. Его так все и называют — чудотворец.

Лили, с недоверием относившаяся к подобным рассказам, слушала священника вполуха, жалея о напрасно потерянном времени. Но тут вдруг отец Шабо сообщил, что этот монах был ботаником, и тогда все стало на свои места — «чудеса», якобы творимые монахом, имели вполне прозаическое объяснение. Лили относилась к науке с величайшим уважением, чего нельзя было сказать о ее отношении к религии. И в результате, не теряя времени, она отправилась в Монтебон.

...Монахи наконец-то вышли из церкви и все теми же черными ручейками, пересекавшими монастырский двор, потекли к строению, в котором, судя по всему, находилась трапезная. Да-да, конечно! Время-то было обеденное! Интересно, а что будет, если она сейчас вдруг громко крикнет: «Простите, я ищу одного из ваших братьев, но не знаю его имени! Среди вас случайно нет ботаника?!»

Разумеется, Лили не собиралась делать ничего подобного. Но все же она должна была найти способ отыскать этого человека.

Лили радостно улыбнулась, внезапно увидев мужчину, в одиночестве выходявшего из трапезной через

боковую дверь. «Ведь он — не монах», — подумала она, заметив, что этот человек был в белой рубашке, куртке и штанах. Да и скуфьи не было на темных волосах...

К сожалению, она видела его только со спины; он прошел мимо большой солнечной лужайки, где был разбит огород, поставлявший овощи для кухни аббатства, и, наконец, остановился у лужайки поменьше — на ней, похоже, выращивали саженцы плодовых деревьев.

С минуту постояв у этой лужайки, мужчина отправился в сарай и принес оттуда корзину с садовым инвентарем. Затем снял куртку и, подвернув рукава, принялся рыхлить землю вокруг молодых деревьев, вытаскивая сорняки. Причем все это время он по-прежнему находился спиной к Лили.

— Превосходно, — пробормотала она. — Значит — садовник...

Итак, она нашла того, кто, возможно, не откажется с ней поговорить. Наверное, этот садовник даже знал того монаха, которого она искала. И если удача от нее не отвернется, то садовник согласится передать тому монаху от нее послание.

Приняв решение, Лили начала спускаться вниз по дереву — к парапету стены. Но тут двое монахов прямо из трапезной прошли к огороду и принялись полоть грядки всего в нескольких шагах от мужчины, которого Лили уже прозвала Садовником. Ей ужасно хотелось закричать от обиды и злости, но она сдержалась и приготовилась к дальнейшему ожиданию. «Может, и ждать слишком долго не придется», — подумала Лили.

Какое-то время Лили терпеливо ждала. Почувствовав, что у нее ужасно затекло плечо, она попыталась его помассировать — и задела засохший сук, который, громко хрустнув, упал на землю. Один из монахов тотчас задрал голову, однако, не заметив ничего подозрительного, тут же вернулся к работе. Лили с облегчением вздохнула и, чтобы хоть чем-то заняться, принялась наблюдать за садовником, двигавшимся с непринужденной легкостью человека, привычного к физическому труду на свежем воздухе. Невольно залюбовавшись этим простым садовником, Лили даже позавидовала ему. И действительно, что с того, что она знатная и богатая? Это лишь усложняло ее жизнь. А ей так хотелось обычного человеческого счастья...

И тут Лили, дочь герцога и едва ли не самая богатая наследница в Британии, вдруг поймала себя на том, что готова променять свою жизнь на жизнь простой

крестьянки. Ах, с какой радостью она бы трудилась на своем крохотном земельном наделе и каждый вечер встречала бы вернувшегося с полевых работ уставшего мужа... а потом она накрывала бы на стол, и они с мужем ели бы самую простую пищу и весело болтали... О, они были бы по-настоящему счастливы!

Да-да, только такая жизнь и делает человека счастливым. Просыпаться с рассветом, днем работать на земле, а вечером приходить домой, где тебя ждет уютный очаг, а также запах свежее испеченного хлеба... Лили словно воочию увидела эту благодатную картину. А потом, когда все дети уже заснут в своих кроватках, муж обнимет жену сильными руками, склонит к ней свою темноволосую голову и поцелует со страстью и нежностью...

Лили энергично помотала головой, пытаясь развеять туман фантазий. Что с того, что у этого мужчины плечи широкие, а ноги мускулистые? Кто знает, может он лицом похож на любимого гонимого пса ее отца. Скорее всего, так и есть. Да и что она, Лили, знала о страсти? Абсолютно ничего. Правда, когда-то, в возрасте восьми лет, она по уши влюбилась в дворецкого и целых три месяца думала лишь о том, как бы превратиться в лакея и служить под началом своего ненаглядного. Она постоянно ходила следом за Робертом вплоть до того самого дня, когда предмет ее обожания таинственным образом исчез, а на смену ему явился угрюмый старик, на которого и смотреть-то было противно. И с тех самых пор если в Сазерби-Парк и нанимали нового слугу, то непременно редкостного уroda.

Лили вновь устремила взгляд на Садовника и тихонько вздохнула. Она любовалась им, прекрасно сознавая при этом, что любоваться мужским телом не пристало порядочной девушке. Но кто мог уличить ее? Кто мог бы заметить ее на дереве? Так что следовало пользоваться моментом, пока садовник не повернулся к ней лицом, потому что когда повернется... Возможно, она после этого даже не захочет взглянуть в его сторону.

И тут, едва Лили об этом подумала, как садовник вдруг повернулся и глянул вверх через плечо — словно хотел посмотреть, высоко ли солнце. Лили же чуть не упала со своего насеста. И ей тотчас пришло на ум, что она увидела ангела, вернее — падшего ангела. В светло-карих глазах этого мужчины она разглядела что-то такое, чего не замечала в глазах других людей; она даже не могла подобрать

определение тому, что увидела в них, — но почему-то этот человек показался ей существом из другого мира. Или, возможно, он принадлежал сразу к нескольким мирам. И еще ей казалось, что он обладал знанием, которым смертные обладать не должны. Кроме того, она почувствовала в нем... Почувствовала нечто опасное и смущавшее душу.

Лили судорожно сглотнула. «Но что такой красивый мужчина делает в монастыре?» — подумала она с удивлением. Образ простой крестьянки тотчас же померк и утратил привлекательность. Ведь этот мужчина, казалось, был создан для того, чтобы прожить жизнь в дорогах борделей Парижа. Лили представила его закоренелым грешником, который, вполне возможно, погубил немало невинных девушек и даже убил кого-то на дуэли, а сейчас замаливал свои грехи в монастыре. В этом случае было понятно, почему у него такой... странный взгляд. «Душа его одержима грехом, который даже в монастыре не хочет его отпустить», — со вздохом подумала Лили.

А ведь ей всегда хотелось встретиться с настоящим распутником! Отец же постоянно твердил, что такие мужчины ужасно опасны, что они начисто лишены «моральных устоев», что они обладают ненасытными аппетитами и не считают нужным сдерживать свои «неосознанные желания». Лили не вполне понимала, что подразумевалось под «неосознанными желаниями», но прекрасно понимала, что желания эти ведут к гибели... и даже к кое-чему похуже. При этой мысли Лили невольно поежилась; она чувствовала себя так, словно ее вывернули наизнанку, а потом вернули в прежнее состояние, но не совсем — какая-то ее часть так и не вернулась на свое место, и нельзя было сказать, что это ощущение ей нравилось.

Наконец двое монахов ушли в свои кельи, а «распутник» продолжал работать. Но Лили никак не могла решить, каким образом лучше всего привлечь его внимание... А «распутник» вдруг положил тяпку на землю, затем медленно выпрямился, потирая спину. Лили опасалась, что он вот-вот последует за монахами, но удача ей не изменила — красавец направился прямо в ее сторону. И казалось, что он сейчас пройдет под самым деревом!..

Сердце Лили гулко забилося, но, увы, красавец вдруг остановился и присел на каменную скамью, находившуюся в добрых двадцати футах от ее вяза. И снова оказался спиной к Лили. К тому же... Вместо того чтобы сидеть как все нормальные люди, этот странный человек поджал

под себя ноги, скрестив их в лодыжках, а руки положил на колени. И закрыл глаза.

Лили не знала, что и думать по поводу столь необычного поведения, однако потом поняла, что красавец, должно быть, заснул — во всяком случае, так ей показалось. «Но как можно спать в такой неудобной позе?» — спрашивала себя она. Впрочем, долго размышлять на эту тему, наверное, не имело смысла, ведь вскоре ей предстояло вернуться в гостиницу, поскольку Коффи начала бы волноваться, а она, Лили, и без того слишком уж часто испытывала терпение своей старой няни.

Но что же делать?.. Лили в задумчивости прикусила губу. Садовник был довольно далеко, и она не отважилась бы его окликнуть. Следовательно, оставалось только одно...

Спустя минуту Лили уже спустилась на монастырскую стену.

Паскаль парил где-то между звездами и небесным домом Отца. Медитация для него была так же естественна и так же насущна, как дыхание, но сегодня что-то мешало ему отрешиться от мира — словно перед носом у него кружила назойливая жужжащая муха! Поменяв позу, он приказал себе сосредоточиться на внутреннем покое — но покоя-то как раз и не было... И казалось, что где-то в подсознании раздавались звуки, напоминавшие тихое шипение.

Тяжко вздохнув, Паскаль приоткрыл глаза. И ничего не увидел, по крайней мере — ничего необычного. Немного помедлив, он снова закрыл глаза и сделал глубокий вдох, пытаясь полностью очистить сознание. Но сосредоточиться почему-то не удалось. И отвратительное шипение, напоминавшее змеиное, не исчезло.

Паскаль открыл глаза и осмотрелся, разыскивая назойливую рептилию. А потом вдруг понял, что шум доносился не снизу, а сверху. Тогда он, запрокинув голову, окинул взглядом монастырскую стену — и замер, не веря собственным глазам.

Он увидел молодую женщину, и эта женщина... Она ползла по кромке стены! Волосы ее цвета бронзы были растрепаны, а юбки свои она, презрев приличия, задрала выше коленей. На чулке же, в районе икры, зияла дыра.

«Возможно, сбежала из сумасшедшего дома», — промелькнуло у Паскаля. А безумная женщина между тем прекратила ползти и снова зашипела. После чего, тяжело дыша, помотала головой. Или, может быть, кивнула.

Несмотря на вполне понятное раздражение — ведь ему помешали медитировать, — Паскаль не мог оставить несчастную в беде. Вскочив со скамьи, он направился к тому участку стены, на котором расположилась странная женщина.

— Мадам, — сказал он, задрав голову и прикрыв ладонью глаза от яркого солнца, — может, вам нужна помощь? Чем я могу вам помочь?

Женщина широко раскрыла глаза и из коленно-локтевого положения стремительно перешла в положение сидячее — словно готовившийся к битве богомол. Казалось, она хотела что-то сказать, — но так ничего и не сказала, лишь издала протяжный вздох. После чего глаза ее закрылись. В следующее мгновение тело ее соскользнуло со стены и с глухим стуком приземлилось у ног Паскаля.

Он тут же опустился на колени — несчастная была очень бледна, что не могло не вызывать тревогу, и быстро расстегнул ее плащ, затем расстегнул лиф платья и ослабил шнуровку корсета. К счастью, пульс хорошо прослушивался.

Убедившись, что женщина жива, Паскаль привычными движениями провел ладонями вдоль контуров ее тела, проверяя, нет ли сломанных костей. Затем сунул руки ей под юбки и ощупал на предмет возможных повреждений ее ноги. Похоже, она ничего не сломала при падении, но относительно повреждений внутренних органов вопрос оставался открытым.

Паскаль уже собрался подхватить несчастную на руки и отнести в лазарет, но тут в голове у него словно что-то взорвалось, все поплыло перед глазами, и он рухнул прямо на женщину, зажимая уши от жуткого визга.

— О господи... — простонал Паскаль; голову его словно сдавило гигантскими тисками.

— Распутник! Чудовище! — орала сумасшедшая, которую он прикрывал сейчас своим обездвиженным телом. — Жалкий притворщик! — Она вдруг столкнула его с себя и, чуть приподнявшись, гневно уставилась на него. — Как вы могли так бессовестно воспользоваться моим обмороком? Как вы вообще посмели вытворять такое с женщиной на территории монастыря?! У вас что, совсем стыда нет?

— Мадам, — слабым голосом проговорил Паскаль, у которого ужасно разболелась голова, — мадам, кто вы такая?

Он всегда старался проявлять сочувствие к больным и немощным и подставлять другую щеку, но у него до сих пор не было опыта общения с сумасшедшими женщинами.

12 Но эта дама уже успела ударить его кулаками по голо-

ве, поэтому Паскаль, преодолевая боль, отодвинулся от нее подальше.

— Хотите знать, кто я такая?! — кричала сумасшедшая. — Так вот, я не привыкла к тому, чтобы меня лапали всякие негодяи! И не думайте, что я не стану жаловаться! Еще как стану! И я уверена, ваш аббат будет глубоко разочарован, узнав о том, что вы решили вернуться на путь греха!

Паскаль в изумлении таращился на женщину.

— Мадам, о чем вы?.. Вы, должно быть, приняли меня за кого-то другого? Или вы всегда бьете по голове тех, кто заботится о вашем благополучии?

— Ха! — воскликнула Лили. После чего, отвернувшись от «распутника», попыталась вернуть на место пружины корсета. — О моем благополучии вы заботились? Не верю! Очевидно, вы слишком долго были лишены женского общества, если вам понадобилось немедленно оголить первую же женщину, до которой удалось добраться!

— Я вовсе не пытался вас раздеть. Просто хотел убедиться в том, что вы ничего себе не повредили, — ответил Паскаль, призывая себя к спокойствию.

— И для этого вы шарили у меня под юбками?! — закричала сумасшедшая женщина.

— Мадам, вы слишком высокого о себе мнения, если считаете себя настолько неотразимой. Неужели вы и впрямь думаете, что ни один мужчина не устоит перед искушением наброситься на вас, стоит вам потерять сознание?

Сумасшедшая женщина, явно обидевшись, пробурчала:

— Ну... не буду настаивать. Тем более что ваше положение и так незавидно...

— Почему же, мадам? — в раздражении проговорил Паскаль; он сам себя не узнавал — ведь обычно ему удавалось держать себя в руках.

Вместо ответа собеседница указала пальцем куда-то за его спиной. Паскаль оглянулся и увидел спешивших к ним юного Жульена и аббата Дома Бенетарда.

— О боже, нет, — пробормотал Паскаль. — О господи, помилуй меня... — Он медленно поднялся и повернулся к ним лицом, чувствуя, как сердце сковывает леденящее предчувствие.

И предчувствие его не обмануло; в следующее мгновение сумасшедшая женщина закричала:

— Слава богу, вы пришли! Ваш садовник пытался на меня напасть!

Жульен в ужасе взирал на нее, но у аббата самообладания оказалось больше; он повернулся к Паскалю и спокойно заговорил:

— Это правда, сын мой?

— Нет, это не так, святой отец. Я пытался помочь женщине после того, как она упала со стены. Я расстегнул ее одежду и проверил, не повреждены ли кости. — Паскаль понизил голос. — Боюсь, что она... не совсем в своем уме.

— Не в своем уме?! — возмутилась Лили. — С головой у меня все в порядке! А вот вам должно быть стыдно за вашу ложь!

— Раз уж у вас все в порядке с головой, мадам, то, может быть, вы объясните, зачем ползли по монастырской стене и при этом шипели как безумная? — в раздражении проговорил Паскаль. — Мне кажется, что такое поведение нормальным людям совершенно не свойственно.

— Я не обязана ничего вам объяснить, — пробурчала Лили. Она вновь обратилась к аббату: — Будьте любезны, запишите этого мужчину. Я больше не желаю на него смотреть!

— Это не так-то просто, дитя мое, — ответил аббат. — Мы не можем посадить человека под замок, руководствуясь одним лишь вашим желанием. Разве не может быть так, что вы ошиблись и меесье Ламартин не имел в отношении вас дурных намерений, а лишь заботился о вашем здоровье?

— Ощупывая мои... — Лили густо покраснела. — Мои ноги и... Ну, вы знаете, что я имею в виду. — Она пристально посмотрела на аббата и добавила: — А если вы не хотите запереть его под замок, то вам, наверное, следует немедленно выгнать его из монастыря. Даже представить не могу, что сказал бы мой отец, если бы я сообщила ему, что вы позволяете такого рода проступкам оставаться безнаказанными!

— А кто ваш отец? — спросил аббат.

— Как это кто?!. Ведь он... — Лили закусила губу и потупилась. — В общем, это не важно.

— Напротив, это очень важно, дитя мое. И, судя по вашим речам, я смею предположить, что ваш отец — человек влиятельный и знатный. Думаю, для всех нас будет лучше, если вы назовете его имя, а также сообщите, откуда вы прибыли.

— Мой отец — герцог Монкрифф, — сказала Лили, глядя в землю. — Но он сейчас живет в Англии, — добавила она, хотя нужды в том не было.

Аббат побледнел, а юный Жульен покачнулся, словно готов был вот-вот упасть в обморок. Да и Паскалю

стало не по себе. Ведь всем было известно, что герцог Монкрифф жертвовал аббатству весьма щедрые суммы (более того, самим фактом своего восьмилетнего существования аббатство было обязано покровительству и финансовой поддержке герцога Монкриффа).

Дом Бенетард откашлялся и проговорил:

— Да, понимаю... И как же вас зовут, дитя мое?

— Элизабет Боуз.

— Ах, конечно-конечно... Ваш отец рассказывал мне о вас.

— Неужели? — Лили с вызовом посмотрела на аббата.

— Да, он действительно говорил о вас, — явно желая успокоить девушку, подтвердил аббат. — Вполне естественно, что любящий отец хочет рассказать о своей дочери. Вы не находите?

— Да, конечно, — согласилась Лили. — Вы очень добры, святой отец. — Весь ее запал иссяк, когда она почувствовала, что никто не собирался ее осуждать.

Паскаль же в задумчивости смотрел на странную девушку. Разумеется, он пребывал в некоторой растерянности, но, судя по всему, прекрасно понимал, что аббату лучше знать, что делать в сложившейся ситуации.

А Дом Бенетард довольно долго молчал, потом наконец заговорил:

— Так вот, Элизабет, я могу понять вашу обеспокоенность. Очевидно, вы получили нежное воспитание. Хотя я и могу заверить вас в том, что репутация месье Ламартина безупречна, мы вынуждены отреагировать на вашу жалобу. Полагаю, нам следует обсудить происшествие во всех подробностях. Брат Жульен, — обратился аббат к своему компаньону, — будьте любезны, проводите леди Элизабет к воротам. Вот-вот начнется вечерняя служба, и пребывание женщины на территории монастыря было бы неуместным. Где вы остановились, дитя мое?

— Я поселилась в гостинице «Золотой лев», святой отец.

— Очень хорошо. Я провожу вас туда до начала всенощной. — Аббат повернулся к Паскалю. — Сын мой, приходите ко мне после всенощной. Я убежден, нам удастся найти решение, которое всех удовлетворит.

Брат Жульен быстро направился к воротам. Элизабет Боуз, бросив в сторону Паскаля уничижительный взгляд, едва ли не бегом последовала за Жульеном. Глядя им вслед, Паскаль мысленно усмехнулся. Эти двое представляли собой весьма странную пару: невысокий и худоща-